

В. А. Стеклов. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания.
Серия «Научное наследство», т. XVII. Л.: Наука, Лен. отделение, 1991. — 374 с.

Выход XVII тома «Научного наследства», посвященного академику В. А. Стеклову (1864—1926), следует признать значительным событием в комплексе проводящихся у нас историко-научных исследований. По подобранному материалу, тщательности подготовки, обстоятельному комментарию он следует лучшим образцам серии, основанной С. И. Вавиловым, и по праву может считаться образцовым. Значение этой книги определяется тем, что с ее появлением существенно восстанавливается равновесие между значимостью фундаментальной (и колоритной) фигуры замечательного отечественного математика и государственного деятеля и тем местом, которое ему уделено в истории русской математики и, если брать шире, — русской культуры. При всей доброкачественности биографических материалов о Стеклове (небольшие книги о нем Г. И. Игнациуса (1967), В. С. Владимирова и И. И. Маркуша (1981)) до сих пор о нем было написано очень и очень мало.

Структура рецензируемого сборника такова. Он открывается обстоятельным вступлением Е. П. Ожиговой. За ним следует сжатый обзор научной деятельности Стеклова (И. И. Маркуш). Основное место в книге (с учетом комментариев — около двух третей объема) занимает переписка Стеклова с отечественными математиками — с его учителем Александром Михайловичем Ляпуновым (она охватывает 1892—1918 гг.), коллегами: А. Н. Крыловым (1908—1926), Н. М. Крыловым (1907—1926) и А. А. Марковым (1909—1918). Переписка охватывает, таким образом, практически всю активную научную жизнь Владимира Андреевича — от того времени, когда молодой человек начал работать в Харьковском университете, и до года кончины его вице-президентом Академии наук СССР, директором Физико-математического института, профессором Ленинградского университета.

Стеклов предстает перед нами в зеркале публикуемой переписки, состоящей как из его собственных писем, так и писем, ему адресованных. Но в еще большей степени мы узнаем о нем, прочитав «Воспоминания», законченные в 1923 г. и изданные впервые. Органично в структуру книги входят примечания к письмам и воспоминаниям, развернутый именной указатель и список научных трудов Стеклова.

Переписка любых двух лиц дает как бы двойной портрет, знакомит читателя с обоими ее участниками. Если в случае с А. М. Ляпуновым и А. Н. Крыловым число писем к Стеклову и от него хотя бы приближенно рав-

но, то в переписке с А. А. Марковым и Н. М. Крыловым мы больше узнаем об этих математиках. Более всех близок Владимиру Андреевичу был, несомненно, А. М. Ляпунов, не только замечательный математик, но и человек, как мы получаем возможность узнать, высочайших душевных качеств. С ним Стеклов в наибольшей степени откровенен, ему он направляет подробнейшие отчеты о себе, своих научных работах, новостях университетской (Харьковской и Петербургской) жизни. Этот материал представляет бесценное свидетельство минувшей эпохи. В качестве одного из многочисленных возможных примеров назовем детальнейшее описание Стекловым событий 1905 г. в Харькове (Ляпунов в это время уже жил и работал в Петербурге): гражданская активность и прогрессивная позиция Владимира Андреевича в письмах этого периода видна очень ярко.

Глобальные события, которые могут служить неопеченным источником для историка эпохи (который в переписке найдет прямые свидетельства того, как воспринимала русская интеллигенция поворотные события и моменты в жизни своей Родины), перемежаются с живыми бытовыми деталями. Последние могут быть необычайно полезны писателю, собирающему материал об ушедшей эпохе.

Обилие таких подробностей жизни и быта особенно характерно для писем к Стеклову от А. А. Маркова, которого Октябрьская революция застала в глубокой провинции — городе Зарайске Рязанской губернии. Впрочем, разумеется, и в письмах Маркова внимательный читатель найдет много интересных строк, характеризующих тогдашние политические настроения. Один пример: 24 июля 1915 г. Марков пишет: «Легковерие и малодушие нашего, с позволения сказать, общества, меня всегда возмущало до глубины пяток. Опасения испортить на минуту свое благополучие заставляло большинство убаюкивать себя розово-нелепыми мечтами, поддаваться добровольно наглому обману, сознательно развиваемому кучкой мародеров и предателей... Не одни правители во всем виноваты, но и все слабобольные и слабосильные слюнтяи, составляющие главную массу так называемых руководителей общественного мнения и общественных деятелей... Помоему, без диктатуры не обойтись, да то беда, что и диктатора-то неоткуда взять! Жди Петра Великого, а он и носу не показывает» (с. 229).

Хотя А. Н. Крылов, по-видимому, не входил в число самых близких друзей Стеклова, оба математика по своим убеждениям, привыч-

кам, даже по языку своих писем были наиболее близки друг другу. Прежде всего это относится к их гражданской позиции. Примечательна поддержка ими новой власти (после октября 1917 г.), стремление свести к минимуму там, — где это было посылно для них, — отрицательные последствия ломки всего строя русской жизни, который начался с приходом к власти большевиков. Можно с уверенностью сказать, что Стеклов (как А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург и др.) очень много сделал для нормализации отношений советской власти с Академией наук, для получения помощи от власти науке и ученым. Он с первых месяцев, как и А. Н. Крылов (назовем в этом ряду еще А. Ф. Иоффе, П. П. Лазарева, О. Ю. Шмидта), встал на путь сотрудничества с советской властью, добился ассигнований на поддержку науки. Письма-рапорты Крылова Стеклову, написанные из Германии и Англии, — неоценимый источник для истории первых лет советской науки, восстановления ее связей с Западом.

Наименее интересна, по нашему мнению, переписка Стеклова с Николаем Митрофановичем Крыловым. Она наиболее насыщена математикой, которая, конечно же, присутствует и в письмах к другим коллегам Стеклова. За пределами же математики письма Н. М. Крылова довольно скучны.

Заслуживает всяческого одобрения осуществившаяся наконец публикация «Воспоминаний» Стеклова — яркой прозы, напоминающей написанные двумя десятилетиями позже «Мои воспоминания» А. Н. Крылова. Эта полная, без купюр публикация стала возможной только в новых условиях, в которых мы живем после 1985 г. Резкие, смелые оценки, даваемые Стекловым событиям февраля и октября 1917 г. (особенно см. с. 283—289), находятся в соответствии с тем, что мы в менее определенной форме могли прочесть в переписке. Нелицеприятная критика царского режима и действий кадетов, характеристики деятелей зачинавшегося на глазах Стеклова белого движения (которых он наблюдал, находясь летом 1917 г. на Кавказе), резкие замечания в адрес большевиков в сочетании с положительной оценкой многих их действий, — все это полезно прочесть сейчас, когда зачастую очень примитивно трактуется ситуация в России до и после 1917 г., когда предвзято и только одним цветом живописуют людей, стоявших за кулисами событий и во

многом определявших течение этих событий.

Нет смысла (и места) подкреплять сказанное цитатами; роль рецензента в этом случае сводится к призыву прочесть эту интересную и поучительную книгу, давно уже, впрочем, исчезнувшую с прилавков: ее тираж традиционно ничтожен (1000 экземпляров).

Разумеется, у столь большого труда (объем сборника — 35 п. л.) не может не быть недостатков, сразу скажем — незначительных. Уже говорилось, например, что письма Н. М. Крылова не очень интересны для широкого читателя: слишком математичны. Может быть, их следовало заменить перепиской Стеклова с его прославленным учеником — А. А. Фридманом, творцом «расширяющейся Вселенной». Эта переписка публиковалась ранее, но и большие фрагменты писем Н. М. Крылова тоже уже были напечатаны. Однако письма Фридмана и Стеклова — такой сильный материал!

Хорошо, что в книге приведен список трудов В. А. Стеклова (хотя в него и не включены его газетные статьи). Все же хотелось бы иметь рядом с ним основные даты жизни и деятельности ученого, даже если это и не соответствует традициям серии «Научного наследства» — полезно создавать прецеденты! Не полон именной указатель к сборнику: в нем встречаются неточности.

Тем не менее эти недочеты ни в коей мере не могут снизить общей положительной оценки рецензируемой книги. Благодаря высококвалифицированной и ответственной работе коллектива ученых, принимавших участие в ее подготовке*, читатели получили возможность познакомиться с замечательным ученым, интереснейшим и благородным человеком, каким был Владимир Андреевич Стеклов. Нет сомнения в том, что выход в свет этой книги привлечет внимание к его наследию и что нас ожидает встреча с другими его, забытыми, к сожалению, произведениями — такими, например, как биографии Галилея и Ломоносова, как его живые заметки о поездке за океан, рассуждения о роли математики в жизни человечества, как его удивительно интересные и все еще не опубликованные дневники и письма к зарубежным и русским коллегам.

В. Я. Френкель

* Составители и авторы комментариев — Е. П. Ожигова (Переписка) и В. С. Соболев («Воспоминания»); отв. редактор В. С. Владимиров.